

«НАРУШИТЕЛЬ ЗАКОНА» – ЯЗЫК

? – Игорь Вениаминович, вопросы вам могут задать ...гении разных эпох, потому что во все времена язык требовал к себе особого отношения. Наше время – не исключение. Ещё и потому, что язык может быть «нарушителем закона», и даже «соучастником преступления». Итак... «Заговори, чтоб я тебя увидел». Сократ. Это актуально и сейчас?

– Актуально конечно же. Потому что это – истина. У каждого из нас есть своя индивидуальная языковая система, так называемый идиолект, и проявляется она в объективной форме через

На вопросы корреспондента «Полиции России» отвечает член правления Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, кандидат филологических наук Игорь ЖАРКОВ.

речь и только через речь. То, как говорит человек, при достаточном объёме данных позволяет его идентифицировать. В случае устной речи идентификация говорящего – это классическая задача фоноскопической (фонографической) экспертизы; в случае письменной речи аналогичную

Лингвистическая экспертиза в большей степени занимается смысловым содержанием, которое присуще сообщению и которое может быть выявлено объективными методами.

задачу решает экспертиза автороведческая. А лингвистическая экспертиза в большей степени всё же занимается смысловым содержанием, которое присуще сообщению и которое может быть выявлено объективными методами.

? – «Язык не может быть плохим или хорошим... Ведь язык – это только зеркало. То самое зеркало, на которое глупо пенять». Сергей Довлатов. Как это соотносится

с Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 101-ФЗ, в котором, в частности, говорится о контроле за соблюдением законодательства Российской Федерации о государственном языке Российской Федерации, в том числе за использованием слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка, путём организации проведения независимой экспертизы?

– Язык с равным успехом обслуживает потребности гения и идиота, остряка и зануды, застенчивого воришки и самоуверенного хама. И в этом смысле мы имеем действительно своего рода зеркало. Обилие же матерщины вокруг, с которой мы каждодневно сталкиваемся, начиная с позднесоветского периода истории страны, например, говорит вовсе не о том, что язык вдруг «испортился» при коммунистах, а о совершенно иных вещах, которые должна изучать социология.

Не исключено, что с течением времени носитель русского языка будет выражать крайние эмоции или особо злостно хулиганить иным способом, с применением совершенно иных слов, или особых интонаций, или особого тембра (например, в японском театре кабуки хрипотца есть условное средство, обеспечивающее передачу определённого смысла). А матерное ругательство станет не более обидным, чем слово «гусак», с помощью которого Иван Никифорович нанёс ужасное оскорбление Ивану Ивановичу в повести Гоголя, в восприятии носителя современного русского языка.

В судебно-экспертной практике лингвист сталкивается с понятием нормы чаще всего в одном из двух аспектов.

Во-первых, существуют правонарушения и преступления, совершаемые вербально, для надлежащей правовой квалификации которых существенным является факт выхода за пределы нормы современного русского языка. В эту категорию дел, по которым бывает востребованной лингвистическая экспертиза, попадает оскорбительная форма выражения негативных оценок. «Чистое» оскорбление (ст. 130 УК РФ) на сегодняшний день декриминализировано, но понятие оскорбления не выведено за пределы уголовного права, в частности, наиболее активно применяются правоохранительными органами статьи 297 и 319 УК РФ. К этой же категории следует отнести административные правонарушения, например, мелкое хулиганство с использованием нецензурной брани в общественных местах (ст. 20.1 КоАП РФ – диспозиция этой статьи, впрочем, вызывает лёгкое удивление, ведь цензуры у нас по Конституции нет, но понятие нецензурной брани в законодательстве используется).

Другая категория экспертных исследований, в которых ключевым оказывается понятие нормы, – это так называемая документоведческая экспертиза, в ходе которой требуется, опираясь на нормы и правила современного русского языка как государственного языка Российской Федерации, установить буквальный смысл, выражаемый спорной формулировкой в тексте официального

документа. Нередко спорными оказываются и отдельные формулировки законодательства. Мы в своей работе неоднократно сталкивались с ситуациями, когда стороны судебного спора, представляемые профессиональными юристами, вкладывают существенно разное смысловое

В большинстве ситуаций лингвист может помочь разбраться с точным смыслом, объективно присущим спорной формулировке.

содержание в текст того или иного закона. В большинстве ситуаций подобного рода лингвист может помочь разбраться с точным смыслом, объективно присущим спорной формулировке, но следует всё же заметить, что, к великому сожалению, в некоторых случаях эта формулировка оказывается неоднозначной, и остаётся лишь констатировать, что установить, что именно хотел сказать законодатель, по тому тексту, который он произвёл, не представляется возможным.

? – «Точность слова является не только требованием стиля, требованием вкуса, но, прежде всего, требованием смысла». Константин Федин. Что значит точность оценок и строгость формулировок в судебно-экспертной деятельности?

– В лингвистической экспертизе на данный момент, можно сказать, более или менее устоялось

представление о том, какие обстоятельства по разным категориям дел подлежат установлению и какими понятными следствию и суду словами эти обстоятельства следует обозначать. Думается, проблема на данный момент может быть лишь в непрофессионализме конкретных экспертов.

Экспертам следует крайне осторожно обращаться с некоторыми терминами. Не раз доводилось замечать, что следствие и суд, например, бывают склонны усматривать в действиях обвиняемого признаки мошенничества или даже психического насилия (например, по делам о вымогательстве), если в выводах заключения комплексной психолого-лингвистической экспертизы будут использованы такие формулировки, как «речевая агрессия» или «приёмы манипулирования». И больших трудов стоит разъяснить следователю, получившему на руки такое заключение, что в рамках терминологии, принятой конкретными экспертами, выполнявшими данную конкретную экспертизу, различается всего три вида общения: ритуальное («здравствуйте» – «до свидания», «отставить!» – «есть!» и т. п.); гуманистическое, позволяющее удовлетворить потребность в понимании, сочувствии, сопереживании, – интимное, исповедальное и т. п. и манипулятивное – направленное на то, чтобы побудить собеседника изменить его поведение, отношение к чему-либо, принять решение и выполнить действия, необходимые для достижения манипулятором собственных целей.

? – «Но какая гадость чиновничий язык! Исходя из того положения... с одной стороны... с другой же стороны – и всё это без всякой надобности. «Тем не менее» и «по мере того» чиновники сочинили. Я читаю и отплёвываюсь». Антон Чехов. Подобные конструкции – просто «словесный мусор»?

– Для научной публикации или для официального документа огромное значение имеет точность выражаемых смыслов. «По той причине, что...», «в связи с тем, что...», «вследствие того обстоятельства, что...», «благодаря тому, что...», «на том основании, что...» – это громоздкие словесные конструкции, которые во многих случаях можно заменить, например, коротким «из-за». Но каждая из них выражает свой особый смысловой оттенок, а громоздкость в данном случае служит цели смысловой точности, а значит, будет вполне оправданной в официальном документе.

Радикально иная ситуация – когда человек пытается неуклюже замаскировать канцеляризмами собственную безграмотность. К сожалению, нередко этим грешат и сотрудники правоохранительных органов. Не раз приходилось видеть, скажем, обвинительные заключения, текст которых просто не допускал какого-либо буквального толкования,

соответствовавшего нормам и правилам современного русского языка. То есть фабула обвинения была буквально бессмысленной. Зато подобные документы всегда изобилуют правовыми клише, которые, к сожалению, многие следователи, вслед за ними прокуроры, а после них и судьи бездумно вставляют в свой текст. Если обвиняемый распространял ложные сведения, они почти наверняка окажутся в тексте обвинительного заключения «заведомо ложными», а если лицо на государственной службе совершило должностное преступление, из текста обвинительного заключения мы определённо узнаем, что это лицо тем самым дискредитировало себя как государственного служащего и органы государственной власти в целом, хотя в

НЕ РАЗ ПРИХОДИЛОСЬ ВИДЕТЬ, СКАЖЕМ, ОБВИНИТЕЛЬНЫЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ, ТЕКСТ КОТОРЫХ ПРОСТО НЕ ДОПУСКАЛ КАКОГО-ЛИБО БУКВАЛЬНОГО ТОЛКОВАНИЯ, СООТВЕТСТВОВАВШЕГО НОРМАМ И ПРАВИЛАМ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА.

чьих глазах произошла дискредитация, почему-то не указывается. Прокурору, утверждающему такое обвинительное заключение, видимо, невдомёк, что без такого указания фраза является семантически неполной, а следовательно, не имеет единственно верного буквального толкования. Более того, по прочтении всего текста обвинительного заключения становится понятным, что единственным человеком, осведомлённым о соответствующем поступке обвиняемого, помимо него самого, был

следователь, который вёл дело. Так о какой дискредитации идёт речь? О подрыве доверия с чьей стороны? Со стороны следствия, очевидно, – ведь никаких иных субъектов восприятия, в чьих глазах происходит пресловутая дискредитация, в деле не усматривается. В результате вместо фабулы обвинения перед нами оказывается набор клише, противоречащий здравому смыслу.

? – «Обращаться со словами нужно честно». **Николай Гоголь. То есть не лицемерить, называя вещи своими словами?**

– «Честно» у Гоголя – от слова «честь». Классик говорит об ответственности за сказанное.

Слова «азиат», «монголоид» и «узкоглазый» обозначают одно и то же явление реальной действительности, и в этом смысле каждое из них предельно точно, но отличаются они друг от друга отношением, которое говорящий выражает к предмету своей речи. Как уже говорилось выше, язык предоставляет своим носителям возможность выразить любую мысль и высказать любое отношение к тому, о чём идёт речь. И он же даёт возможности для экстремистских высказываний

всех сортов, включает в себя средства, которыми можно оскорблять, унижать человеческое, национальное, профессиональное и т. п. достоинство. Пользоваться этими средствами или нет – личный выбор каждого говорящего. В некоторых случаях закон запрещает это делать. В других ситуациях в игру вступают запретительные моральные нормы. Если хотите, можете называть это лицемерием, ханжеством или фарисейством. Но с тем же успехом вы можете называть эту прак-

тику толерантностью или политкорректностью. Эти слова называют то же явление, но выражают к нему нейтральное отношение. Это, повторюсь, вопрос личной позиции каждого.

? – «Крепкие слова не могут быть сильными доказательствами». **Василий Ключевский. Работать по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации экспертам-лингвистам приходится регулярно...**

– Даже, пожалуй, особо часто. Другая, но очень близкая категория дел – клевета, то есть практически то же самое, но в уголовном аспекте (между этими категориями есть, впрочем, и некоторые отличия, главное из которых – признак не просто ложности, а заведомой ложности порочащих сведений).

Накопившийся за многие годы экспертной работы по этим категориям дел опыт показывает, что такие дела очень редко возникают «в чистом виде». В подавляющем большинстве случаев дела о распространении порочащих сведений возникают как осложнение конфликтов, имеющих совершенно иную природу, когда между воюющими сторонами начинаются «разборки» с вовлечением СМИ.

И нередко оказывается, что, подавая иск о защите чести, достоинства и деловой репутации, истец не учитывает, что создаёт этим действием

**С КАКОЙ-ТО УВЕРЕННОСТЬЮ
В СОБСТВЕННОЙ ОБЪЕКТИВНОСТИ
ОТЛИЧИТЬ ХОРОШИЙ ПОСТУПОК-СЛОВО
ОТ ПЛОХОГО ПОСТУПКА-СЛОВА ВО
МНОГИХ СЛУЧАЯХ БЫВАЕТ ВОЗМОЖНО
ЛИШЬ СПУСТЯ СТОЛЕТИЯ.**

новый информационный повод для повторного распространения тех сведений, которые ему так не понравились в прошлый раз, или сведений похожих и столь же неприятных. Либо учитывает, но желание наказать обидчика оказывается сильнее...

? – «Слово есть поступок». **Лев Толстой. Всегда?**

– Без сомнения. Однако с какой-то уверенностью в собственной объективности отличить хороший поступок-слово от плохого поступка-слова во многих случаях бывает возможно лишь спустя столетия. Сегодня, оценивая поступки наших современников, в том числе совершаемые словесно, каждый из нас может руководствоваться лишь собственными представлениями о том, что такое хорошо и что такое плохо.

Беседу вела Нина ДЗАСОХОВА